

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА:

ВЫБОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА

“Не следует ли предположить, что “вторичная этнократия” - не реакция, не временный откат в архаику, а закономерный виток в поступательном движении истории, причины которого пока еще не раскрыты нами?”

А.Андреев. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства. ОНС. 1996. N 1.

С конца 80-х годов в России заметно актуализировались этносоциальные процессы. Выр

азившись первоначально в культурных течениях,
выдвигавших целью возрождение национальных культур, они постепенно стали оказывать существенное воздействие на реформирование политической системы. В настоящее время сформировались основания институционализации новой позиции российских этносов и республик, образованных на их основании: произошло изменение правового статуса республик в составе РФ, избрание в них президентов, утверждение конституций, подписание Федеративного договора и целого ряда двусторонних договоров между субъектами федерации и федеральным центром, принятие законов о языках и об образовании. Эти процессы, протекающие и на юге России, вплетаются в более широкие мировые социально-политические изменения, которые исследователями различных стран связываются с проблемами взаимоотношения христианского и мусульманского культурно-цивилизационных миров. Тем самым этносоциальные процессы в России оказывают влияние и на геополитические сдвиги, происходящие на пространствах от Балкан до Таджикистана.

Одним из следствий распада СССР и реформирования политической системы России был отказ от прежних традиций национальной политики. Стремление руководителей ряда регионов под маркой защиты интересов коренных этносов получить от центра целый ряд экономических льгот породило соблазн использовать этнический фактор в качестве выгодного средства в политической игре различных сил, а существование объективных интересов этносов практически игнорировалось. Данный взгляд объясняет причину неразработанности на федеральном уровне национальной политики на протяжении первого пятилетия 90-х гг., т.е. именно тогда, когда на территории России получила развитие политическая тенденция, выявившая вовлеченность этносов в процесс перераспределения власти. Утвержденная в июне 1996 г. на высшем уровне государственной власти Концепция национальной политики, к сожалению, не стала искомой основой для регулирования проблем межнациональных отношений,

да и
сформулированные
в
ней принципы не рассматривались в единстве с властными механизмами их реализации.
По всему комплексу проблем межнациональных отношений
существует
острое противостояние позиций внутри российской политической элиты, поскольку они
непосредственно затрагивают главный
вопрос
российской
государственности - сущность федерализма.
Центральным пунктом спора является проблема приоритета прав личности или
этнических групп, которая приводит к столкновению территориальной и
национально-территориальной концепций федерализма. Не меньшей актуальностью
обладает вопрос соотношения интересов "этнического большинства"
населения
страны и "этнических меньшинств".
Обострению политической дискуссии невольно способствует теоретическая
неопределенность
самого
понятия этноса,
поскольку в решении политико-правовых проблем большую роль играет
определение
субъектности.

Вопрос о специфике природы этнических общностей до сих пор не нашел однозначного
ответа в отечественной науке. В
огромном количестве публицистических и аналитических статей, появившихся
в последние годы,
предметом которых является рассмотрение "точек" напряженности на почве
межэтнических или
этнополитических отношений,
доминирует ситуационный подход. Его главным достоинством является анализ
непосредственных
причин тех или иных политических событий и разработка пакета мер, которые
определяют оптимальное направление урегулирования
проблемы. При этом многим политологическим работам свойственно допущение о
социальной активности этнических групп. Проблема этноса
как субъекта социально-политической деятельности неоднократно рассматривалась в
социальной мысли последнего столетия.
Достаточно вспомнить широко известные имена теоретиков социал-демократии начала
века - К.Каутского, Р.Люксембург, В.И.Ленина,
представителей
австромарксистской школы (Э.Ренана,

Р. Шпрингера) и еврейского национального движения (С.Дубнова и Б.-Ц.Динура), в центре внимания которых находились проблемы сепаратизма, национально-государственного строительства, национальных (этнических) движений как политических сил и пр. На протяжении нескольких десятилетий (30-80-е гг.) политический аспект межнациональных отношений в отечественной науке по идеологическим причинам не подвергался реальному изучению. Межнациональные отношения рассматривались в ключе сближения данных социальных общностей и формирования интернациональной общности, которой не присущи внутренние противоречия. Обнаружившиеся во второй половине 80-х гг. конфликты на почве межэтнических отношений вызвали активный интерес к анализу этой проблематики.

За непродолжительный отрезок времени вышло огромное количество публикаций, предметом которых является изучение этноконфликтных отношений. Анализ межэтнических конфликтов с пози-

ций общей теории конфликтов, разрабатываемой в отечественной социологии, содержится в работах А.В.Дмитриева, А.Г.Здравомыслова, М.В.Иордана, Е.И.Степанова, Э.А.Позднякова, Ж.Т.Тощенко и др. К этому направлению примыкает другое (работы Г.С.Котанджяна, А.А.Празаускаса, Э.Н.Ожиганова, Э.И.Скакунова и др.), в рамках которого ученые стремятся использовать для анализа межэтнических конфликтов в постсоветском пространстве теоретические модели западной этноконфликтологии (в частности, концепции социальной конкуренции, конфликтного взаимодействия "центра"- "периферии").

В исследованиях В.А.Авксентьева, И.М.Габдрафикова, М.Н.Губогло, Е.В.Крицкого, Э.И.Ожиганова, Э.И.Паина, А.А.Попова, Л.С.Перепелкина, Г.П.Предвечного, В.Н.Рябцева, Э.Н.Скакунова, В.А.Тишкова, Л.Л.Хоперской анализируется специфика этнополитической ситуации в отдельных регионах страны, а также моделируется динамика и сценарии развития межэтнических конфликтов. Исторический аспект политической нестабильности на межэтнической почве в территориальных границах бывшего СССР - затянувшийся распад Российской империи, просчеты в национальной политике в Советский период и др.- рассматривается в работах А.Г.Вишневого, Д.В.Драгунского, Ю.Г.Зубова, А.И.Салмина.

Разработки ряда авторов в данных направлениях исходным пунктом, некой аксиомой теоретического анализа, имели допущение субъектной природы этноса. Действительно, европейская философская традиция рационализма со времен Декарта в разных вариантах обсуждает проблему субъект-объектных отношений и определяет в качестве субъекта, будь то в познании или в практической деятельности, носителя социальной активности, который, кроме того, характеризуется потребностями, мотивами, интересами, целями и пр. Обнаружение в политическом процессе современной России активно действующих социальных групп, выступающих с позиции интересов этнических общностей, привело к его рассмотрению как "этнополитического", субъектами которого являются этносы. Как одно из удачных его определений можно привести следующее: он представляет собой "процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, с другой, - определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета. Таким образом, выражаемые этими группами этнические требования немедленно становятся политическими (расширение суверенитета), а политические, экономические или гуманитарные требования приобретают этническую окраску, при их реализации используются механизмы этнической мобилизации" (9).

Большим достижением политологов в изучении данной проблемы является, в целом, технологический уровень ее анализа, а также пересмотр ряда фундаментальных теоретических идей, например, о том, что конфликты, в том числе и национальные, являются аномалией для социального развития, отклонением от некоего идеального гармоничного состояния социума; о том, что национальные конфликты несущественны и малозначимы по сравнению с конфликтами других социальных групп (классов, политических партий) и др. Вместе с тем, представляется, что значительный недостаток данного подхода состоит в том, что в работах этого направления уделяется очень скромное место специфике самого субъекта конфликтных отношений - этноса. Более того, в исследованиях политологов наблюдается тенденция нивелировать специфику субъекта, рассматривать развитие этноконфликтных ситуаций по аналогу с развитием социального конфликта любого другого типа. Логичным завершением такого анализа является вывод об этнополитическом конфликте как таком, где одна (или обе) из противоборствующих политических группировок для достижения своих целей манипулирует этническим сознанием, тем самым придавая политическому конфликту этническую окраску. Думается, что при таком подходе вне поля зрения оказываются специфические причины данного типа конфликтных отношений.

Однако уже сегодня можно отметить, что под влиянием взаимодействия этнических общностей или проявления политической активности того или иного этноса, постепенно

происходит трансформация социальной системы в целом. С ледовательно анализ конкретных форм проявления социальной активности такого рода предполагает не ситуационно-политологический подход, а глубинный социально-философский. Его предметным полем является осмысление изменений и развития социальной системы с точки зрения деятельности социальных групп и общностей, при котором, исходя из тех или иных философских предпосылок, объясняется ход исторического развития. При этом подходе ситуационная напряженность рассматривается как форма проявления более глубоких социальных процессов, в которых действующим лицом, субъектом, выступает этнос. Одной из первых работ в области социально-философского анализа этой проблемы была коллективная монография "Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока". Данное направление получило развитие в последние годы в работах ученых Юга России, что объясняется, в первую очередь, конфликтогенной ситуацией Северо-Кавказского региона. Субъектный подход к анализу межэтнических отношений разрабатывался известным отечественным ученым, создателем НИИ Кавказа, Г.П.Предвечным, который руководил Программой исследования межнациональных отношений в России (1991-1995 гг). Она была частью общегосударственной Программы "Народы России" и базировалась на разработанной Г.П.Предвечным концепции этнонациональных взаимодействий. Им же была сформулирована технология факторного анализа политического процесса, которая успешно реализовывалась в этнополитических исследованиях целого ряда ученых - О.П.Мартемьяновой, В.Н.Рябцева, Л.Л.Хоперской,- к числу которых причисляет себя и автор (20; 21; 22).

Можно указать также целенаправленный социально-философский анализ этнических конфликтов, предпринятый в докторской диссертации В.А.Авксентьева, где специально рассмотрена "проблема идентификации субъекта, предмета и объекта этнического конфликта" (2, с.10). Методологически социально-философская природа политической

субъектности

больших

социальных

групп

(классов,

этносов) представлена также в кандидатской диссертации Р.Д.Хунагова (28).

Но в наибольшей

степени

в

анализе субъектной

природы этноса продвинулся в своей докторской диссертации М.М.Кучуков.

Рассматривая нацию (она отождествляется с

этносом)

на основе деятельностного подхода, он описывает ее как "субъект истории,

государственности, форму организации общественной жизни..., а национальное

самосознание как ее основной признак и основу реализации нацией

своих

субъектных

качеств". (17, с.10-11.).

Однако следует отметить, что в методологическом отношении проблема социальной субъектности именно этнических общностей разработана недостаточно, в виде глав или тезисов в работах вышеназванных авторов.

Это заставляет предпринять специальный анализ

данной проблемы.

Выдвинутую задачу можно разделить на две составляющие:

1) анализ субстанциональной природы этноса, которая определяет его социальную субъектность;

2) выделение критериев субъектности этноса в качестве действующей силы политических отношений и анализ причин,

обуславливающих становление его политической субъектности

(акцентирование

внимания на политической форме субъектности объясняется тем,

что здесь она находит наиболее яркое и законченное выражение).

Первый аспект поставленной задачи, - субстанциональная природа этноса как основа его социальной субъектности, - очень спорный в настоящее время. Однако прояснение именно этого вопроса является необходимым

для рассмотрения политической формы субъектности этноса.

Прежде

чем

стать действующим лицом каких-либо отношений социальная группа (общность) должна

сформироваться,
обрести имманентные организационные формы.
Поэтому отказ от рассмотрения и доказательства субстанциональной природы этноса ставит под сомнение исходную посылку многих политологических работ, - тезис о политической субъектности этноса,- и делает проблематичным выбор средств политического регулирования межэтнических отношений, в том числе и межэтнических конфликтов.

В отечественной этнологии в настоящий период наибольшие дискуссии вызывает именно проблема природы этноса. По этому вопросу произошло разделение позиций прежде всего в среде специалистов-этнологов. Существующие в отечественной науке три подхода к анализу этноса - теория этноса (ее разрабатывали: Ю.В.Бромлей, С.А.Арутюнов, Э.А.Баграмов, М.С.Джунусов, В.И.Козлов, К.И.Козлов, М.В.Крюков, Р.Г.Кузеев и др), теория этногенеза (работы С.М.Широкогорова и Л.Н.Гумилева) и информационная концепция этноса (труды Н.Н.Чебоксарова и С.А.Арутюнова),- при всех их различиях отстаивают онтологическую природу этнических общностей.

В этом плане они выступают основой не только для социологических исследований в области изучения функционирования этносов, но и для концепций политического регулирования межэтнических отношений.

К их числу можно отнести, например, теорию культурной автономии этноса. Разработка онтологического подхода в американской науке - примордиалистское направление, развиваемое в исследованиях П.Л.Ван ден Берге, Дж.М.Йингера,- привела к замене известной теории "плавильного котла" концепцией этнического плюрализма.

Однако с конца 80-х гг. в отечественной науке постепенно стала популяризоваться постмодернистская методология анализа этноса. Широко известны работы теоретиков данного направления - Дж.Клиффорда, Дж.Маркуса, М.Неша, Р.Самуэля и др. Предлагаемый подход трактует этнос не как изначально данную, развивающуюся во времени субстанцию, а скорее как явление, производное от динамики социальных отношений.

Ядро содержания "этнического" перемещается в сферу осознания этнической группой своих отличий.

Одно из наиболее развернутых определений этого феномена в конце 80-х гг. дал американский ученый М.Неш. Он считал, что этничность наиболее ярко проявляется в трех формах: 1) самоназвании; 2) наборе культурных элементов, включающих систему родства; 3) особенностях питания и религии (30).

Ярким представителем этого подхода является профессор Корнеллского университета Б.Андерсон. В нашей стране эта концепция широко известна благодаря публикации работы Э.Геллнера "Нации и национализм" (10). Б.Андерсон трактует этнос как "воображаемую общность", которая конструируется для достижения каких-либо политических интересов. Он считает, что открытие книгопечатания и распространение грамотности имело следствием нивелировку языковых и культурных различий. Печатное слово стало инструментом, с помощью которого оказалось возможным организовывать и мобилизовывать массы. Именно с развитием книгопечатания возникают и массовые национальные движения. Одним из его организаторов выступает само государство: оно

предлагает символику (герб, гимн),
специально формирует национальное сознание и пр.
Андерсон утверждает,
что без сознательной и усиленной пропагандистской работы в этой сфере этнические общности не формировались бы как активные политические единицы.
При этом
организатор национально-идеологической работы (государство или партия, лидер) в угоду национальной идее, как правило, манипулирует историческими фактами,
отбирая из прошлого лишь то, что работает на эту идею (29, с.39-71, 131-146).

Стремление ряда ученых-этнологов популяризировать постмодернистскую методологию в
отечественной
науке
вызвало
в 1989-1993 гг.
целую дискуссию. Согласно ее центральному тезису,
выдвинутому директором Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишковым,
требуется преодоление позитивистского постулата
о "существовании научно-отражаемой объективной реальности,
в том числе таких реальных исторических образований,
как социально-экономические формации или этносы...
Трудно перейти на позицию,
что этносы, как и формации, есть умственные конструкции,
...т.е.
они существуют исключительно в умах историков,
социологов,
этнографов" (27, с.7-8). Ряд этнографов не принял эту позицию.
Так, известный ученый-этнограф А.С.Арутюнов,
отвергая тезис В.Тишкова подчеркнул: "Это не "умственные конструкции"
никак
не могут поделить Пригородный район в Северной Осетии,
не могут наладить мирное сосуществование в Южной Осетии!
И "умственное конструирование" абхазов как субэтнуса мегрелов,
а мегрелов как отдельного от грузин этноса, не изменит сложившейся линии
политического противостояния, хотя и вызовет дополнительные страсти" (6, с.10-11).

Но на возмущенную реплику С.Арутюнова можно ответить и так: территория делится действительно не "мысленными конструкциями",
но это не означает, что ее делят этнические группы, а не узкие

группировки людей,
рвущиеся к власти и стремящиеся опереться при этом на группы,
в основе которых лежат специфические
культурные характеристики. Иными словами, аргумент
С.Арутюнова не опровергает позицию В.Тишкова.

С методологической точки зрения ситуацию уточняет известный исследователь социальных, в том числе и этнических, конфликтов А.Г.Здравомыслов: новый подход дает стимулы "к осмыслению процесса суверенизации, который должен быть понят социологически не через абстракцию "национальных интересов", а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью формирования новой символики". (12, с.164.). В своей последней книге он поясняет этот тезис на примере чеченского кризиса. С точки зрения А.Г.Здравомыслова чеченский кризис не может быть интерпретирован как этнонациональный.

"Здесь сталкиваются две экстремистские
силы,
представляющие в том и другом случае наиболее радикальные (в смысле готовности к насилию)
слои
"государственников", с одной стороны
России и
российской
армии,
с другой - чеченских сепаратистов,...как с той, так и с другой стороны,
чеченский кризис не является отражением реальных интересов всего общества,
от имени которых действуют радикалы". Но интерпретируется данный политический
конфликт самими
политиками в этническом ключе,
в аспекте столкновения символических ценностей. "Государственный суверенитет",
"государственное равноправие с Россией", введение всей системы гражданственности,
паспортизация,
принятие Конституции и пр.- все эти
цели имеют символический характер.
Они направлены на то, чтобы повысить статус политических
деятелей
регионального
масштаба, приравнять
его
к
статусу
политиков
современных
государств"(13, с.97.). Иными словами, на примере чеченского кризиса ученым и

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

политикам предлагается рассматривать аналогичные ситуации не с позиции объективно существующих интересов

больших социальных групп, а с точки зрения столкновения достаточно узких

политических группировок

по

поводу

перераспределения власти.

Но такой подход вызывает потребность разрабатывать не специальную политику в сфере регулирования межнациональных отношений,

а, скорее, применение силовых методов для подавления неконституционных претензий узких

политических

групп.

Кроме того, он не объясняет причин, по которым удастся узкой политической группировке мобилизовать по этническому признаку

большие

массы

людей на политические действия в одном случае и не удастся это сделать - в другом.

Причины и

природа

механизма этномобилизации остается "за кадром" анализа.

СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЭТНОСА

Кратко обрисованные теоретические позиции ученых показывают, что вопрос о субстанциальной природе этноса

во-первых, далеко не бесспорен,

и,

во-вторых, остро актуален, поскольку непосредственно выходит на проблему выработки подхода к

регулированию сферы межэтнических отношений. Эта ситуация объясняет необходимость предпринимаемого анализа.

Понятие субстанции находится в ряду категорий европейской рационалистической философии. В этом ключе сразу вспоминается самопорождающая характеристика субстанции, которую подчеркивал Б.Спиноза, признавал Гегель, и обосновал применительно к обществу К.Маркс в процессе теоретического анализа практических экономических отношений. Здесь имеется в виду способность системы содержать в себе самой все характеристики, которые разворачиваются в процессе ее последующего развития. (Известный пример-образ дает Гегель - желудь, в котором уже "запрограммирован" дуб). Это не значит, что самопорождающиеся системы - субстанции - не имеют некоторых внешних причин своего развития и являются самодостаточными. В рамках нашего примера, тот же желудь может развиваться только при определенных условиях - температуре, влажности, определенном составе почвы. Вышеназванные мыслители отмечают другой аспект - отсутствие исходной целевой предзаданности системы. В этом отношении мы можем утверждать, что общество не имеет исходной цели своего развития, равно как процесс этногенеза не имеет какой-либо заданности. Данные характеристики - саморазвитие, отсутствие целевого предназначения - позволяют рассматривать и социальную систему, и этнос как субстанции. Анализируя характеристики субстанциальных систем, известный современный ученый К.С.Момджян указывает, что им присущ "особый целостный образ жизни". "Он предполагает особый механизм самосохранения и саморазвития системной целостности, при котором все многообразие частей, свойств и состояний системы имеет единый источник, сводится к единому основанию" (19, с.151).

Исходя из этой посылки анализ субстанциальной природы этноса предполагает выделение такого механизма самосохранения и саморазвития. Как правило, рассмотрение этноса этнологами разворачивается в ключе изучения его специфических характеристик, которые позволяют выделять этносы как особые социальные общности. Здесь достаточно указать современную дискуссию о предмете этнологии и, в ее рамках,

одну из обобщающих точек зрения по
проблематике
этничности,
изложенную
известным

ученым В.И.Козловым (15). Нам же требуется показать системный характер этноса, что предполагает выделение внутренних системообразующих связей, которые присущи этносу как природно-социальной целостности и обеспечивают воспроизводство и выживание этноса. К ним можно отнести: форму расселения и адаптацию к природной среде, способы воспроизводства численности и поддержания возрастной структуры, уровень внутриэтнической сплоченности и устойчивости первичных коллективов (родовые структуры, сельские общины, городские коммуны). Иными словами, при взаимодействии людей с природной средой формируется некий коллектив, функционирование которого необходимо для сохранения существования отдельного индивида. Адаптация к природной среде рождает коллектив - этнос - и определяет способ его функционирования.

Последний, в свою очередь, детерминирует формирование внутренних системообразующих связей, которые в той или иной мере влияют на социальное развитие (экономику, тип политических отношений, доминирующий тип личности и др.). Пространственная и временная стабильность этноса основывается на информационных связях диахронного типа (5, с.17-41.).

Нетрудно заметить подчеркивание роли природной среды в этногенезе. В контексте историософских концепций на это обращали внимание такие мыслители

как Данилевский,

О.Шпенглер, А.Тойнби. С точки зрения этногенеза роль природной среды (климата, ландшафта, масштабы территории) акцентировал не только Л.Гумилев, но и выдающийся русский историк XIX в.

С.М.Соловьев. Их аргументация дает основание утверждать, что природная среда определяет хозяйственную жизнь, формы быта и политическую организацию этноса (разумеется, если речь идет о периоде развития до XIX

в).

Другие

исследователи

-

С.Арутюнов, В.Козлов и др.- подчеркивают влияние природной среды на формирование психического склада этноса

и

содержание

этнического самосознания. Иными словами, природная среда определяет основные характерные черты этноса.

Однако не только их, но и внутрисистемные связи - степень внутригрупповой сплоченности, тип демографического воспроизводства, устойчивость первичных коллективов,- поскольку определяет форму расселения, вырабатываемую в данных условиях этнической общностью.

В одном случае речь может идти о разбросанных сельских поселениях и колонизации достаточно больших пространств, в другом - о формировании на ограниченных пространствах сельских поселений или поселений городского типа, в третьем - о разбросанных поселениях этноса в горных условиях, где связь между ними затруднена.

Форма поселения и масштаб заселенной территории оказывают существенное влияние на способ хозяйственного освоения природной среды, т.е. на складывание типа культуры.

Экономисты и культурологи различают культуры не только по доминирующему виду производственной деятельности - аграрные и индустриальные,- но и по качеству этой деятельности.

Последний критерий позволяет отнести культуру по ее характеру к интенсивному или экстенсивному типу, а это сказывается на такой системной характеристике этноса как тип демографического воспроизводства. Для доиндустриальной аграрной культуры характерно

формирование семьи как хозяйственно-производственной единицы, от численности которой зависит материальное обеспечение жизни каждого

ее члена. Поэтому семья в аграрном обществе складывается как многопоколенная, где под одной крышей проживают

три поколения родственников.

Механизму воспроизводства общности, основанной на многопоколенной семье свойственны следующие черты:

высокий уровень
брачности
(число
незамужних

женщин незначительно - 2-3%),
раннее вступление в брак и опека со стороны
родительской семьи,
высокий уровень рождаемости и детской смертности, сравнительно небольшая
продолжительность жизни индивида. Такой механизм
воспроизводства
приводит к прогрессивной возрастной
структуре населения (удельный
вес
населения
трудоспособного возраста
значительно
превышает удельный вес старшего поколения).

Многопоколенная семья ориентирует индивида на воспроизводство собственного стиля
и образа жизни.

Здесь доминирует принцип "делай как я". Эта семья, являясь носителем и транслятором
традиции, выступает основой устойчивости общества. В ней фокусируются элементы
культуры,

возникновение которых связано с адаптацией общности к природной среде, т.е.
специфически этнической культуры.

Более того,

видимо с

реализацией

данной функции - хранителя и транслятора этнической культуры,- связана и другая
специфическая функция этого вида семьи. Она проявляется в ее эндогамности -

контроле за преимущественным заключением брака с

представителями

своего

этноса.

Эндогамность выступает

важным средством сохранения устойчивости и монолитности этноса,

его традиционной культуры, этнического самосознания и языковых особенностей.

Исследования последнего десятилетия показывают, что этнокультурная функция семьи
выполняется при условии компактного территориального поселения по крайней мере
нескольких традиционных многопоколенных семей. В этом случае происходит не только
передача этнокультурной информации через
поколения,

но

и "осуществляется связь с другими общностями того же иерархического уровня и тем
самым

поддерживается

единство

этноса

как сложной социальной системы" (25, с.22).

Можно добавить,

что смысл этого общения на локальном уровне в осуществлении собственно этнической жизни,

т.е. информация передается не только о прошлом, прошлое оказывается настоящим, современным и поэтому сохраняется единство этноса.

Таким образом, внутриэтнические системообразующие связи (форма расселения, тип адаптации к природной среде, который проявляется в доминирующих формах экономической деятельности, а также способ воспроизводства численности общности) фокусируются на такой

важнейшей

характеристике

этноса

как

уровень внутриэтнической сплоченности. Эта характеристика этноса и методы ее изучения в отечественной науке разработана крайне слабо.

А.А.Сусоколов,

специально

изучающий проблему этнической структурированности,

выделяет три главных фактора,

лежащих в основе этнической самоорганизации и способствующих внутриэтнической сплоченности:

1) сформировавшиеся локальные устойчивые субкультуры;

2) тесная информационная связь между локальными субкультурами; 3) наличие развитых "надлокальных" информационных и организационных кругов общения, главная функция которых - развитие общеэтнических слоев культуры (25, с.28).

Внутриэтническая сплоченность проявляется как самоорганизация и самоуправление, т.е. в форме внутриэтнических институтов (кровно-родственных, поселенческих, например, тейпов, тухумов,

улусов

и

др.) и механизмов их функционирования.

Эти институты,

как правило, через этикет, определяющий нормы межличностных и межгрупповых

взаимоотношений, а также посредством обычного права обеспечивают самосохранение и воспроизводство этноса как общности. Этнос выступает в качестве общества на первых этапах его развития. Поэтому некоторые ученые признают что, "этнонациональные образования различного рода остаются основным способом существования человечества"(13, с. 24).

Таким образом, адаптация этноса к внешней среде объясняет его структурную и институционную организацию, взаимообусловленность системных связей и специфические характеристики. А способность к воспроизводству и движению во времени позволяют характеризовать этнос как субстанциальную систему. Изучение такого класса систем позволяет исследователям настаивать на свойственной им специфической особенности - первичности целого по отношению к отдельным характеристикам или элементам системы. В этом отношении "именно потребность выживания в среде, присущая системе как целому, а не отдельным ее частям поодиночке, определяет как способ их функционального взаимоопосредования, так и сам факт структурного обособления частей в поле системной целостности....Мы не в состоянии объяснить присущую системе целостность, анализируя отдельные сферы общественной жизни и реально существующее функциональное взаимоопосредование между ними. Качество системы не может быть дедуцировано из ее структурно-функциональной организации" (19,с.160-161).

Именно потому, что целое доминирует и несводимо к отдельным своим частям и

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

характеристикам, этнологам в долгих дискуссиях не удается определить природу этнической системы: каждая из характеристик этноса вне связи с другими не является индикаторами его онтологической природы. А это, в свою очередь, является одним из ключевых аргументов позиции, доказывающей иллюзорность трактовки этносов как объективно-реальных социальных образований.

Способность этноса к саморазвитию предполагает рассмотрение трансформации его системообразующих связей. Сконструируем абстрактную модель этого процесса. Кардинальное воздействие на этническую систему оказывает процесс перехода от аграрной, традиционной фазы к индустриальной. Он приводит к видоизменению системы в целом. Изменению подвержены прежде всего способы формирования этнических признаков и механизм воспроизводства общности. Индустриализация труда развивается параллельно с изменением формы поселения. Изменение поселенческой структуры этноса - переход от сельских форм (деревень, аулов и пр.) к городскому типу поселения - связан с разрушением общинной формы организации жизни, и прежде всего с блокированием общинного контроля за поведением индивида, т.е. этот переход приводит к постепенному угасанию религиозных культов, традиций и норм обычного права как основных форм регуляции поведения и этнообразующих признаков. Вместо них широкое распространение приобретает развитие мировых религий и норм права, в которых этнические характеристики оказываются снятыми. Экономическая жизнь города также универсализирует способности индивида и нивелирует этническую специфику трудовой деятельности. Таким образом, этноспецифические формы организации жизни - обычное право, трудовая деятельность, традиции и религиозные верования - оказываются оттесненными из сферы

материально-практической
деятельности
людей.

Они трансформируются в историческую память, специфику этнопсихического склада, менталитет культуры.

Этот процесс объективно проявляется также и в разрушении институтов самоорганизации этноса - отмирание обычного права

происходит одновременно

с падением авторитета и значения общинных институтов (совета старейшин, например).

Индустриализация труда и городской стиль жизни постепенно приводят также и к изменению типа воспроизводства населения, что проявляется в форме семьи. Она становится уже не родственной, многопоколенной, а супружеской (бинарной, нуклеарной).

Механизму воспроизводства

этноса,

основанного

на

бинарной семье, присущи другие черты, по сравнению с многопоколенной, и изменение социальных функций. Здесь прежде всего укажем на то, что она утрачивает

"этноориентирующие" функции: трансляции этнической культуры,

социализации индивида по образцу предшествующих

поколений,

поддержание

определенной

демографической структуры, внутриэтнической сплоченности.

Сохранение этнической системы при изменении способов организации ее жизни (форм поселения, типа воспроизводства населения, типа социализации

и и т.д.) происходит посредством выделения внутри этноса специализированных видов интеллектуального труда и соответствующих социальных институтов, осуществляющих,

во-первых,

правление общностью,

и,

во-вторых, сохранение и трансляцию ее этнокультурной специфики.

Эти функции берет на себя либо формирующееся централизованное государство, либо

интеллектуальная элита этноса. Сопоставление истории становления европейских наций и интеллектуальной традиции осмысления проблемы этничности позволило швейцарскому социологу П.Серио выделить две модели построения коллективной идентичности - французскую и немецкую. Для французов характерна активность государства в утверждении и пропаганде этно-национальной идентичности. Здесь государство насаждало единый государственный язык, который становился средством унификации социальной общности, а также принципы буржуазной городской цивилизации в ущерб сельской. В Германии происходил иной процесс: общность языка служила признаком для определения нации и основой требования организации единого национального государства. Иными словами, культурно-языковая общность населения предшествовала национально-государственному единству. И защита этой этнокультурной целостности потребовала создания сильного государства.

Выделенные два европейские пути различны: "в соответствии с немецкой концепцией немецкий народ уже имеет язык, в то время как во французском понимании "общий" язык должен стать действительно необходимым всей нации, особенно той ее части, которая его не знает. Эти различные подходы можно определить как "этнос" и "демос", т.е. *романтическому* смыслу "народ" противопоставляется его *социальный* смысл". Французское определение нации - это право земли, немецкое романтическое определение - право крови. (24, с.53).

Таким образом, две специализированные по формам труда группы - управленческая и интеллектуальная элита - берут на себя функции поддержания этнических характеристик общности в условиях,

когда объективная основа ее существования (территория, специфика трудовой деятельности), и традиционные социальные институты (поселенческие органы, семья) утрачивают данные функции.

При сильной управленческой группе доминирует в этом процессе государство, при слабом развитии управленческой группы и отсутствии традиции государственной организации, функция сохранения и воспроизводства этнической культуры и этнической солидарности осуществляется интеллектуальной элитой.

В первой модели, "французской", государство формируется на базе наиболее развитого этноса, втягивая территориально и

культурно близкие этнические группы в единый политический организм.

Деятельностное, активное начало в социальной системе такого типа принадлежит государству. Оно выступает субъектом общественного и политического процессов.

Во второй модели, до обретения политических институционных форм, деятельное начало принадлежит интеллектуальной элите,

а поскольку она выступает с позиций сохранения и защиты этнической культуры, распространенной на определенной территории (территория этногенеза, которая осмысливается в характеристиках "родная земля", "отчий дом" и пр.), постольку воспринимается как часть этнической системы.

Т.е. субъектные, деятельностные характеристики здесь принадлежат самому этносу, интеллектуальная элита

которого в качестве цели развития выдвигает достижение им форм политической институционализации.

Постановка данной цели, которая на первый взгляд кажется привнесенной в этническое самосознание, определена воздействием ближайшей социальной среды.

Политическое усиление соседних народов потенциально

содержит угрозу поглощения более слабых этносов. Требование обретения

централизованной государственной формы здесь выступает защитной реакцией, т.е. адаптацией к меняющемуся социальному миру.

В этой изменившейся социально-исторической среде государство, выдвигая и преследуя политические цели, выступает механизмом самоорганизации этноса и потому формируется в реального субъекта социального развития.

Итак, мы можем определить этнос как субстанциальную систему, которой присущи такие характеристики как самоорганизация и саморазвитие, основывающиеся на адаптации к среде и диахронных информационных связях.

Если на первом этапе своего развития адаптация предполагала приспособление этноса

преимущественно

к

природной

среде,

то по мере исторического развития адаптационный механизм переориентируется на приспособление

к изменяющейся социальной среде.

Последнее объясняется тем, что социальная среда приобретает все большее детерминирующее

воздействие на функционирование этноса как целостной системы. Это связано, во-первых, с формированием мировой истории и развитием

все большей взаимозависимости этносов,

обретших государственную организацию; во-вторых, с неравномерными темпами исторического развития этносов.

Таким образом, в историческом развитии этноса по признакам самоорганизации жизни можно выделить две стадии - традиционную и индустриальную. Первой

свойственно формирование этнических

признаков в объективном процессе жизнедеятельности индивидов (тип освоения природной среды в хозяйственной и

бытовой жизни,

формы и способы социализации и др.) и их стихийная консолидация в общность на основе этих признаков.

Для

второй характерно воспроизводство этнических признаков преимущественно в процессе социализации, т.е. в субъективном освоении индивидом опыта предшествующего развития.

Переход этноса из одной стадии в другую сопряжен с изменением характера

формирования системообразующих

внутриэтнических

связей.

На второй стадии они продуцируются специализированными профессиональными группами, преимущественно интеллектуальной элитой и политиками, которые выступают сознательными организаторами консолидационного процесса по этническим признакам.

Переход функции организации, управления и консолидации общества от родовых (собственно этнических) структур к государству сопряжен с процессом разрушения первых.

Социальная консолидация происходит теперь по другим основаниям, от которых зависит способ выживания индивида: при нормальном функционировании общества

в

качестве такой основы выступает производственно-экономический принцип, в кризисных ситуациях, когда требуются

более

широкая

база для объединения,

ею выступает гражданственность.

Тем самым происходит размывание

системной целостности этноса.

Изменение способа формирования социальных связей и превращение этноса в одну из характеристик

общества имеет внешние и внутренние формы проявления. Внешне они проявляются в утрате

традиционной

системы

этнических

институтов, внутренне

-

в изменении ценностных ориентаций сознания, при котором этническая идентификация отходит на

задний

план.

В этих условиях

сохранение

этнического самосознания зависит от специальной организационной деятельности государственных органов.

Этничность

становится
одним из измерений национального (гражданственного) самосознания,
где этнокультурные
характеристики сливаются с экономическими и политическими целями развития
государства. А сам этнос выступает либо частью населения социально-территориальной
системы (страны), либо, в моноэтнических государствах,
совпадает с ним.
Совпадение этноса и государственной организации поэтому и осознается как идеальная
модель этнического развития: здесь важнейшие структурные элементы
социально-территориальной системы - территория, народонаселение и политическая
организация - находятся в
непротиворечивой взаимообусловленности. При таком совпадении этнос сохраняет за
собой роль субъекта исторического
процесса,
а
функцию политической субъектности выполняет государство.

Однако подчеркнем: данная модель крайне редко воплощалась в реальном
историческом процессе. Очень немногие государства сложились на основе
преимущественно одного этноса. Неравномерные же темпы социального развития
различных народов привели к так
называемому явлению "исторического запаздывания", когда на сцену мировой истории
начали вступать наряду с уже сложившимися государственными образованиями народы,
не имеющие развитой формы политической
организации
(как
например,
произошло
в XVII-XIX вв. с кавказскими народами, попавшими в сферу интересов Ирана,
Турции,
Великобритании и России).
Это привело
к включению их в состав государственных образований других народов.
Данный ход исторического процесса,
проявившийся в Новое время,
позволил
ученым
сделать вывод о том,
что дальнейшее развитие таких этносов связано с их ассоциированным
развитием с каким-то другим крупным этносом,
сформировавшим сильное государство.
При этом ассоциированный этнос не утрачивает своих этнокультурных самобытных черт,
но оказывается втянутым в орбиту социально-экономического и политического
развитие

государства другого этноса и выступает частью его населения (5, с. 29).

В этом варианте запаздывающий этнос либо постепенно от ассоциированного состояния переходит к ассимиляции и утрачивает саму возможность к самоорганизации и сохранению культурной

самобытности, либ

о, в силу ряда причин, консервирует свою этнокультурную специфику.

Она может сохраняться

как

осознание культурных отличий

наряду

с

формированием национально-государственной идентичности (двойная идентичность),

а может сохраняться при отторжении государственной идентичности.

Тот или иной путь социально-исторического

развития

этноса

в

рамках большого

полиэтнического государства зависит от характера культурного и политического

взаимодействия народов.

Однако формирование

национально-государственной идентичности предполагает политику, нацеленную на блокирование механизмов этнической солидарности.

Специфические этнические особенности могут сохраняться и транслироваться как культурные признаки,

но

не

как основа организации социальных групп.

Ситуация, когда культурные отличия начинают осознаваться в аспекте социальной дифференциации (как основа для привилегий или дискриминации),

дает толчок процессу этномобилизации.

Именно в этом

случае

этнос уже в составе иного государственного образования формируется в субъект политического процесса.

Содержательная сторона этнополитических отношений проявляется в столкновении систем ценностей и интересов - общегосударственных и

локально-этнических.

В системе ценностей сконцентрированы представления о мире, желаемом,

должном и справедливом устройстве социальной жизни. При этом важнейшей базовой ценностью является представление о справедливости существующего общественного порядка. А поскольку он организуется государством, постольку оценивается функционирование именно этого социального института.

Сделаем некоторые выводы:

1) Совокупность общностных характеристик - язык, территория этногенеза, самосознание, культура, обычаи и традиционная система норм, специфика хозяйственной деятельности и др.- позволяют очертить некоторые границы этнической общности. Способность к самозарождению и саморазвитию является сущностной характеристикой субстанциальной природы этноса.

2) В качестве механизма самозарождения и саморазвития этноса можно выделить адаптацию к природной и к социальной среде. Она выступает основанием для формирования внутриэтнических связей и определяет их взаимозависимость. Последнее, в свою очередь, придает этносу системную целостность.

3) К системообразующим связям, присущим этносу как природно-социальной целостности и обеспечивающим его воспроизводство и выживание, можно отнести: форму расселения и способы хозяйственной деятельности в определенной природной среде, способы воспроизводства численности и поддержания возрастной структуры, а также институты, обеспечивающие внутриэтническую сплоченность и устойчивость первичных коллективов (родовые структуры, сельские общины, городские коммуны).

4) Природная среда - территория этногенеза, климатические условия, ландшафт - выступают не просто одной из характеристик этноса, запечатленных в национальном самосознании, а исходным условием формирования

этнoсa кaк пpиpoднo-coциaльнoй
цeлocтнocти. Пoэтoмy нapyшeниe cвязи этнoс-пpиpoднaя cpeдa вызывaeт aктивизaцию
этничecкoй жизни,
кaк eстecтвeннyю peакцию, нaпpaвлeннyю нa caмocoхpaнeниe и caмoвoспpoизвoдcтвo
кoллeктивa.

5) Coциaльнaя cyбъeктнocть этнoсa - кaк aктивнocть в пpиpoднoй и coциaльнoй cpeдe -
oпpeдeлeнa мeхaнизмoм caмoзaщиты и caмoвoспpoизвoдcтвa. Oднaкo нa paзныx этaпax
coциaльнo-иcтopичecкoгo paзвитиa этнoсa (тpaдициoннoм и индyстриaльнoм) нocитeлeм
этoгo кaчecтвa выcтyпaют paзличныe инcтитyты. B тpaдициoннoм oбщecтвe этo - ceмья,
тpaдиции, пepвичныe (poдoвыe и пoceлeнчecкиe) yпpaвлeнчecкиe cтpyктyры.
B индyстриaльнoм - гocyдapcтвo, cиcтeмa oбpaзoвaния,
инcтитyты кyльтyры и нayки. Пpи coвпaдeнии этнoсa и
гocyдapcтвeннocти
этничecкaя
cyбъeктнocть cтaнoвитcя cocтaвнoй чacтью coциaльнoй aктивнocти бoлee ширoкoгo
coциaльнoгo oбpaзoвaния - гocyдapcтвa; пpи их нecoвпaдeнии этничecкaя cyбъeктнocть
мoжeт coхpaнятьcя кaк пoтeнциaльнoe кaчecтвo,
cпocoбнoe пpoявитьcя кaк ocнoвa пoлитичecкoй aктивнocти
этничecкиx гpyпп в ycлoвияx пoлиэтничнoгo гocyдapcтвeннoгo oбpaзoвaния.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЭТНОСА

Вышeизлoжeнныe paзмышлeния пoдвoдят к вывoдy o тoм, чтo cтaнoвлeниe этнoсa в
cyбъeкт пoлитичecкиx oтнoшeний oтнюдь
нe являeтcя нeкoтoрoй eстecтвeннoй xapaктepиcтикoй eгo фyнкциoниpoвaния.
Этa xapaктepиcтикa
пpиoбpeтaeтcя

при
определенном стечении
обстоятельств,
и
поэтому присуща далеко не каждому этносу.

Под политической субъектностью в современных исследованиях в самом общем виде понимается "способность к самостоятельному поведению, а именно, к формулировке своих интересов, целей, к осуществлению собственного выбора, проявлению своей воли" (16, с.184). К критериям, позволяющим наделить статусом политического субъекта обычно относят: самосознание субъекта, где определяется собственное положение в политической действительности, интересы и цели деятельности; воля к социальным действиям и реализация ее в политической практике; автономность субъекта в политических действиях и их постоянство, а не фрагментарность и спонтанность. Универсальность этих критериев, как аргументированно показано в работе Р.Д.Хунагова, позволяет авторам большинства политологических работ (и даже учебных пособий по политологии) при обозначении субъекта политических отношений в скобках давать их перечисление - классы, нации, этносы - изначально пренебрегая их отличиями.(28, с.11-18). Универсальной является и структурированность социальной группы в качестве субъекта политики. Как правило, ученые выделяют субъектообразующие группы (обширные

социальные группы: классы, этносы), выступающие носителями потребностей и политических интересов, и собственно действующие от их имени субъекты: партии, лоббирующие группы, движения,- которые артикулируют данные интересы, представляют их на уровне концептуальных программ, а также осуществляют деятельность по их реализации. Достаточная разработанность этих сюжетов в литературе позволяет на них специально не останавливаться.

Но вот проблема становления этноса из культурно-исторической *общности* в политически-активную *группу* в полиэтническом государстве заслуживает пристального внимания. Она имеет общетеоретический и политико-ситуационный аспекты.

Рассматривая процесс становления политической субъектности социальных единиц любого класса в обществе, Р.Д.Хунагов выделяет необходимые для этого объективные условия. Социальная система в экономико-политическом отношении должна быть определенным образом организована: должны существовать институционные условия, позволяющие сформироваться субъектам и целенаправленно представлять и защищать свои интересы (28, с.48-52). Этот вывод мы берем за предпосылку нашего анализа становления политической субъектности этноса: наличие данных условий предполагается. Процесс реформирования политической системы России создал политическое пространство (или "поле политики") для выражения и столкновения интересов социальных субъектов. Однако заметим, что в "поле политики" вступили далеко не все российские этносы. Поэтому анализ политической субъектности этноса предполагает рассмотрение не внешних условий возможности его становления, а некоторых других.

Анализируя социальные отношения, которые приводят к возникновению социальной группы как реально действующего субъекта, Ю.Л.Качанов и Н.А.Шматко отмечают, что

они реализуются как система признаваемых различий. При условии статистической повторяемости этих различий социальные отношения принимают закономерный характер.

А

социальная группа возникает в качестве "пучка" отношений

и

"проявляется

в

воспроизводстве

различий/различений,

понимаемых

как

воспроизводство определенной системы практик (оформляющейся в социальный гештальт

-

стиль жизни)

различающейся

и

различной от другой системы практик" (14, с.92). Анализ социальных отношений здесь, по свидетельству авторов, сведен к изучению социальных позиций. В рамках предлагаемой концепции наибольшим политическим потенциалом обладают те группы, у которых велика "доля культурного капитала", поскольку последний предоставляет возможность большей гибкости и мобильности

для

освоения

новых

социальных

форм практик (14, с.93).

Применяя данный подход к анализу

формирования

этноса

в качестве политически активной группы,

можно выделить социальные отношения, которые к этому приводят. Речь идет о различиях в социальном статусе этносов (экономические ниши, которые они занимают;

уровень жизни; обеспечение социальной сферы и пр.), в политических позициях (титульный или нетитульный этнос,

историческая укорененность на территории, компактность расселения).

При

этом социально-политическая позиция более сильна у того этноса,

у которого сформировался более широкий слой

интеллектуальной (гуманитарной и управленческой) элиты.

Последняя позволяет идеологически и

организационно
консолидировать этническую общность и заявить о себе как об организованной силе.
Такой сценарий возможен в условиях
разрушения
привычной структуры
экономико-политических отношений,
выпадения из нее традиционно доминирующих элементов.

Уход КПСС со сцены политической жизни, обеспечивавшей властную вертикаль в
политической организации страны, дискред
итация коммунистической идеологии,
которая ранее хотя
бы
в некоторой мере интегрировала на уровне страны различные народы в единую
государственную общность,
масштабное и проведенное в сжатые
сроки изменение формы собственности,
которое наряду с другими причинами вызвало экономический кризис общества, паралич
промышленности, распад традиционных форм организации рабо-

чего класса (предприятий, профсоюзов, парторганизаций), повлекли за собой
переструктурирование так называемого "поля политики". В ряде регионов страны в
центр его стали выходить этносы,
как общности, уцелевшие в период системного кризиса советского и постсоветского
общества.

В то время,
когда

другие социальные группы утратили свои "признаваемые" и "статистически
повторяемые" различия, этнокультурные отличия между группами
остались,

и

определили

выход

на первый план этнических групп.

Интересы последних,

в свою

очередь,

задиктовывались разными

политическими

и экономическими позициями (статусами) этносов,

которые сформировались в предшествующие десятилетия, но существовали в латентной
форме.

Стремление выделить причины становления политической субъектности этносов заставляет пристальней к тем из них, которые уже проявились на политической сцене России. Острые политические ситуации по этнополитическим проблемам как проблемам разделения объема властных полномочий сложились в 90-х гг. в Татарстане и республиках Северо-Кавказского региона. Проблема политической субъектности предполагает выделение каких-либо критериев, по которым можно определить, что рассматриваемый нами участник событий действительно является его субъектом.

Один из исследователей политического процесса на уровне страны, Н.А.Косолапов вводит такие признаки, характеризующие политическую субъектность:

1) субъект должен существовать физически, как вполне реальное материальное образование;

2) он должен существовать как некое единое, органически взаимосвязанное целое, как самостоятельное качество;

3) наличие у субъекта внутренней мотивации, способности к целеполаганию, постановка целей и их осознание;

4) требование от субъекта целеполагания и механизма достижения цели предполагает наличие у него управленческого центра,

обеспечивающего его дееспособность.

Однако для нашего анализа предложенный набор критериев явно недостаточен, т.к. исходя из них трудно определить кто же является субъектом этнополитического процесса в республиках: официальные органы власти или активные группы интеллектуалов, выступающие от имени интересов этноса. Например, руководство Татарстана или лидеры Татарского Общественного Центра (ТОЦ)? Видимо, одним из важнейших показателей субъектности является способность той или иной группы оказывать влияние на ход политического процесса, изменять политическую ситуацию, достигать поставленных целей. В этом плане анализ политического процесса в Татарстане показывает, что ТОЦ при достаточно широкой известности в республике не пользуется активной поддержкой среди татарского населения. Политическая же активность самих лидеров не повлияла на ситуацию в республике. Реальная продуктивная активность принадлежит здесь руководству Татарстана и нашла выражение в двух результирующих тенденциях политического процесса: сохранении республиканского единства полиэтнического населения и изменении политического статуса Татарстана в составе РФ. При этом, оказались реализованными и этнические интересы различных групп населения республики: введения государственного статуса татарского языка наряду с русским, развитие национальной школы для татар, русских и чувашей, создание условий для удовлетворения культурных потребностей различных этнических групп населения и др. (8, с.101-110).

Проекция данного показателя на рассмотрение этнополитического процесса в республиках Северного Кавказа показывает несколько иной результат. Здесь в политический диалог с

российской властью
первоначально вступают не республиканские органы, а общественные организации
национального толка -
съезды народов, депутаты-представители
этноса всех уровней (районного,
республиканского,
Верховного Совета), межреспубликанские национальные
организации
(Адыгэ-Хасэ,
Конфедерация
народов Кавказа). Они оказывают влияние не только на ход политического процесса в
республиках, но и на изменение статуса республик (или самих народов) в составе РФ.
В качестве
примеров
можно привести
создание Республики Ингушетии,
утверждение посредством даже военных действий Республики
Ичкерии
(первоначально провозглашенной осенью 1991 г.
и признанной руководством России только в 1997 г.), введение принципа паритета в
формирование
республиканских
органов власти в Адыгее,
организацию на этом принципе Госсовета в Дагестане,
этнизацию состава представителей
органов
власти
всех уровней в Осетии,
вытеснение русского населения из Ингушетии и Ичкерии и т.д.(8, с.151-214).

Сопоставление процесса организации этнических политических сил в Татарстане и
республиках Северного Кавказа также показывает существенное различие. В
Татарстане съезды татарского народа
проводились,
опираясь на привычные формы организации: депутаты выбирались от трудовых
коллективов и по месту жительства,
списки депутатов утверждались органами власти, к проведению съездов были
подключены
исполнительные
органы
власти всех уровней и т.д. В республиках Северного Кавказа наблюдается высокий
уровень самоорганизации таких политических сил. Ярким
примером
является учреждение Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН),

не менее яркий пример - первоначально стихийное формирование органов власти в Ингушетии.

По этой же схеме "низовой инициативы" формировались Когресс кабардинского народа, Конгресс

балкарского народа,

различные национальные организации в Дагестане.

В этих республиках, напротив, официальные

органы власти не только не способствовали формированию таких национальных

съездов, но стремились различными способами заблокировать этот процесс,

усматривая в учреждении таких органов потенциального конкурента-выразителя народных интересов. Так,

например,

властные

органы Кабардино-Балкарии обсуждали представленный проект закона "О съезде народа",

но

в

итоге отклонили эту инициативу.

(Для сравнения:

в Республике Коми, например,

принят аналогичный закон

и

никто

не

усматривает опасности

в

существовании такого органа как Съезд народа коми).

Исследователи, изучающие этнополитический процесс в данном регионе обратили внимание на организационную роль традиционных внутриэтнических структур -

тейпов,

вирдов,

фамильных сходов,

религиозных организаций. Иными словами, "низовая инициатива" в политическом

процессе в данных республиках опирается не на стихийное движение народа, а на

достаточно выраженные организационные формы,

которые имеют специфически

этнический характер.

Поэтому первый вывод, который можно сделать из анализа этнополитического процесса

в

данном

регионе,

связан

с признанием сохранения внутриэтнической структуры как необходимой основы для

формирования политической субъектности этноса.

Однако этнологические исследования, проводимые в предшествующие десятилетия в различных регионах, свидетельствуют о сохранившейся этнической структуре у многих других народов, которые не проявили себя на российской политической сцене. Это замечание относится в первую очередь к народам Южной Сибири и Калмыкии, которые также признаются не только коренными, но и титульными этносами в республиках их расселения, т.е. обладают равным с политически активными народами Северного Кавказа политическим статусом. Сравнение показателей социально-профессиональной структуры (поселенческой и образовательной структур, удельного веса специалистов, занятых в производстве) народов Южно-Сибирских республик и Калмыкии (бурят, тувинцев, якутов, калмыков) и народов Северо-Кавказского региона (исключая осетин) позволяет говорить о близком уровне их социально-экономического и культурного развития (8, с.66-90). Но при этом политическая активность народов этих двух регионов противоположна. Следовательно, все выделенные характеристики представляют собой недостаточные условия для объяснения политической активности северо-кавказских этносов. Вместе с тем, сопоставляя эти две группы народов, можно выявить факторы, которые "приводят в движение" этнос, делают его субъектом политической жизни.

Равные позиции в социально-профессиональном и политическом статусах народов выступают основанием для интерпретации

политической активности северокавказских этносов с позиций популярной ныне концепции, объясняющей ее не из объективных условий их жизни, а из специфики этнического сознания и действия, мобилирующих механизмов в сфере социальной психологии, активности этноэлит в одном случае и отсутствие таковой

-
в другом.
При
этом обращается обычно внимание на роль депортации,
пережитой кавказскими народами,
вспоминается психологическая травма, сохранившаяся рядом народов региона еще со
времен Кавказской войны. Эта аргументация используется и лидерами национальных
движений,
и специалистами, изучающими социальную психологию.
Не оспаривая значимость этих аргументов,
обратим внимание на объективные условия, формирующие коллективные формы
сознания.
Здесь уместно использовать подход,
предложенный Э.Дюркгеймом
для
объяснения природы солидарности в обществе. (Под солидарностью он понимал
высокий уровень
внутригрупповой контактности и близости,
совместность реакций на одни и те же явления и т.д.).
Напомним, что согласно его позиции, в историческом
развитии общества можно выделить два следующих друг за другом типа солидарности
людей - механический и
органический. Первый из них формируется на основе внешних сходств, таких как
кровное родство,
привязанность к одной и той же земле,
культ предков,
общность
обычаев и т.д.
"В этих условиях не только все члены группы индивидуально притягиваются друг к
другу,
но они также привязаны к тому, что составляет условие существования этого
коллективного типа.
Граждане любят
свое
отечество ...
как
самих себя...,
потому что без него функционирование значительной части их
психической
жизни
было
бы
затруднено"(11, с.114).

Данный тип солидарности формируется при определенной социальной структуре. Дюркгейм ее определяет как сегментарную, состоящую из однотипных, рядом сосуществующих родственно-соседских общин, экономически самодостаточных и потому не очень тесно между собой связанных. Интегрирующей силой в этих общинах выступают религиозные верования, обычаи и нормы поведения. Они выступают основой коллективных форм сознания, сила которых не только в общности, но особенно в том, "что они в большинстве случаев завещаны предыдущими поколениями.

...Авторитет коллективного сознания создается в большей мере авторитетом традиции" (11, с. 298).

В качестве индикаторов, позволяющих отнести общество к механическому или органическому типу солидарности Дюркгейм использовал такой показатель, как распространенный тип правовых наказаний. В обществах с механическим

типом солидарности доминируют нормы, регламентирующие "частную жизнь" людей (о ней можно говорить условно, подразумевая при этом сферу не публичных и не экономических отношений, а межличностные, бытовые): взаимоотношения между полами, между поколениями, регламентирующие нормы, определяющие семейные роли и пр.

Бесспорно, относить северо-кавказские народы к этому типу обществ можно с большой осторожностью. Но заметим, сначала в период колонизации Российской империей, затем в советский период истории этих народов подавлялась именно сфера специфических этнических форм регуляции частной жизни. Не случайно в настоящее время в связи с целенаправленной

деятельностью
по возрождению
этнических культур пропагандируются и восстанавливаются нормы, регулирующие именно эту сферу жизни, а также религия. О масштабах этого процесса можно судить хотя бы по пропаганде адыгского кодекса чести "Адыгэ хабзэ", которая развернулась в последние годы во всех республиках с адыгским населением; а также по активным мерам введения норм шариата, регулирующих бытовую сторону жизни, которые
предпринимается
руководством Республики Ичкерии в настоящее время. Консолидирующая и, одновременно, этнодифференцирующая направленность этих шагов
бесспорна.
Исходя из этих наблюдений можно сказать,
что критерии,
выдвинутые Э.Дюркгеймом для характеристики
механического
типа
солидарности в обществе,
срабатывают и применительно к народам северо-кавказского региона.

Данный подход объясняет многое и, в частности, природу политической активности северо-кавказских этносов на фоне пассивности
южно-сибирских.
Коллективные
формы
сознания
тем "плотнее", интенсивнее, чем более тесные связи между отдельными сегментами общества.
Рассеянность
общин,
низкий
уровень контактности
между
ними
не создает условий для коллективных форм жизни,
контроля за нормами поведения.
На данной
стадии развития
общества,
при
отсутствии
развитых форм разделения труда,
тесных рыночных отношений и хозяйственной
кооперации, плотность

населения и компактность проживания создает условия для тесных духовно-идеологических (религиозных) контактов, которые обеспечивают интеграцию общества.

Размышления французского социолога перекликаются с точкой зрения известного

отечественного этнолога С.А.Арутюнова, который, рассматривая эти же явления, ввел понятие "плотности коммуникационных связей" (5, с.27;

6, с.7).

Высокий уровень их плотности характерен кавказским народам и не свойственен южно-сибирским.

Плотность населения

на Кавказе

в десятки и сотни раз выше, чем в южно-сибирских республиках.

Другая специфическая черта, отличающая народы этих двух регионов, состоит в характере межэтнических взаимоотношений. В южно-сибирских республиках,

как

и

в

большинстве республик страны,

полиэтническому характеру населения присуще доминирование

двух

групп

- коренного этноса и русских.

В республиках этого региона существует этносоциальная дифференция, но она не является основой для формирования межэтнической напряженности, т.к.

этнические группы преимущественно разведены в пространстве. Более того, если не считать коренное городское население, взаимодействие между этносами в

республиках

этой

группы

не выстраивается

по модели непосредственной хозяйственной кооперации. Коренные народы получают недостающие продукты и необходимые товары не из промышленных центров,

лежащих в непосредственной близости,

а опосредовано от

государственных

органов (более того, даже не от республиканских, а от федеральных, т.к. эта группа республик дотационна).

Причины несложившейся межэтнической кооперации в данном

регионе лежат в специфике ускоренной индустриализации и городского строительства в советский период. Исследователи, изучающие урбанизацию советского типа, отмечают ее тоталитарно-милитаризированный характер. Города формировались, отвечая не на естественно-хозяйственные потребности населения того или иного края, области, а исходя из военно-промышленных нужд централизованного хозяйства страны (26). Их деятельность организовывалась и регламентировалась центральными ведомствами типа ВПК или сырьевых министерств. Естественно, урбанизация такого типа мало повлияла на изменение хозяйственного уклада коренных народов, мало отразилась на формировании внутриреспубликанских форм разделения труда (что способствовало бы развитию консолидационных процессов), и не привела к развитию межэтнической интеграции в регионе.

Иной характер межэтнического взаимодействия складывается у народов северо-кавказского региона. Для него характерен высокий уровень полиэтничности республик, а также сложившаяся на протяжении веков традиция межэтнического разделения труда. Городские поселения здесь формировались значительно более естественным путем и в существенной части удовлетворяли запросы местного населения. Это объяснялось в немалой степени высокой плотностью населения и близостью города к сельским населенным пунктам. Развитие

промышленности на базе русскоязычного населения за послевоенные годы, а также подъем уровня образования среди коренных народов в итоге привели к формированию условий для межэтнической конкуренции. Наиболее ярко в последние годы она проявилась в Дагестане. Об этой тенденции свидетельствует не только рост городского населения среди коренных народов, но и темпы прироста групп специалистов из числа коренных народов, а также динамика образовательной структуры населения (8, с.132-214). Для народов региона характерны опережающие темпы в этих областях по сравнению с темпами русскоязычной части населения. Подобного рода динамика отмечает и народы Поволжья (татар, башкир, чувашей). Однако заметим, что народы волжского региона утратили этническую структуру. Их темпы урбанизации увеличивались постепенно, начиная с двадцатых годов, равно как и постепенно происходила персональная интеграция представителей коренных народов в индустриальные отрасли производства. Поэтому здесь не произошло формирования межэтнического противостояния на почве этносоциальной дифференциации.

У северо-кавказских народов урбанизация отличается иным рисунком: она происходит в сжатые сроки и не без использования административных методов. Так, например, городское население республик увеличивалось не только за счет механического прироста русскоязычных мигрантов, но и за счет организованных переселений с гор, возвращения из мест ссылок. В этих условиях интеграция в городскую культуру происходила не индивидуально, а посредством групповой мобильности. Основой же групповой солидарности при сельском

типе поселения и аграрной занятости выступают не личные профессиональные качества и не

производственные контакты,

а родовые и территориальные связи.

Поэтому такой тип мобильности базируется

на этнических

связях..

Поскольку

же

различные

этнические группы были поставлены почти одновременно перед необходимостью

осваивать одни и те

же

хозяйственно-производственные ниши,

постольку прямым следствием этого стало возникновение отношений межэтнической

конкуренции и

вытеснения

одного этноса другим.

В этой ситуации динамика этнодемографических процессов играет очень важную роль.

Ускоренная

групповая миграция в города привела к профессиональной дезинтеграции городских

социумов,

население которых

пополнилось

достаточно широким слоем маргиналов (с точки зрения

профессионально-производственной деятельности).

Этот слой и стал тем

"фоном",

на котором развернулась межэтническая конкуренция;

"фоном",

который определяет перевес сил групп в

конкурентной борьбе.

Так, можно отметить, что политическая активность этнических групп связана с сохранившейся этнической структурой, плотностью коммуникационных связей и дефицитом территории. Однако, как отмечает Н.А.Косолапов, способность к проявлению собственной воли и утверждению собственных интересов еще пока ничего не говорит о причинах, которые определяют эти цели и интересы. При анализе же межэтнических взаимодействий определение причин и мотивов активности очень важно, поскольку они во многом определяют специфику межэтнических отношений, иррациональные формы их протекания, которые незаметно могут перейти на тот уровень конфронтации, когда развести

конфликтующие стороны можно уже только миротворческими силами.

В качестве такой причины в любом межэтническом конфликте исследователи обращают внимание на территорию. Только территориальность как конфликтногенный фактор многими исследователями в последние годы интерпретируется преимущественно в символической форме.

Согласно этому подходу населению навязывается представление

о

"родной земле",

или пресловутая идея национального суверенитета,

за которой стоят символы государственности (флаг, герб и пр.). Аналитики усматривают цель таких манипуляций общественным сознанием со стороны этноэлит в том "чтобы повысить статус политических деятелей регионального масштаба, приравнять его

к

статусу

политиков современных государств"(13, с.97). Но почему население поддерживает эти лозунги? Почему, например, население Ростовской области оказалось

равнодушным

к

лозунгу

воссоздания Области Войска Донского вместе с идеей расширения сегодняшних территорий

ростовской

области

до границ Войска,

равнодушным к его символике,

образам казачьего быта и традиций, а чеченцев, ингушей, кумыков, балкарцев подобные призывы поднимают на активные действия,

бессрочные митинги, голодовки или военные действия?

Ответ очевиден и прост: в последнем случае территория и идея властной организованности - отнюдь не домыслы узкой группы политических активистов.

Массовым сознанием они связываются с необходимостью воспроизводства этноса как формы организации жизни индивида. Очень четко этот аспект проявился в межэтническом взаимодействии аварцев и кумыков в Дагестане.

В

документах кумыкского движения "Тенглик" и на страницах его одноименного печатного органа часто упоминается проблема

прикутанных

земель - зимних пастбищ,

которые руководством республики выделяются горцам на территориях

проживания
кумыков.
Право распоряжаться
и пользоваться данными землями при этом передается горским административным
органам.
Более
того,
цены
на продукцию
сельского хозяйства,
которая производится горскими хозяйствами в этих районах
(плоскостных)
устанавливаются
по льготам, разработанным для горных районов (115, с.19-21). Поэтому и миграция
горцев осознается в понятиях "агрессии": переселяясь,
горцы приобретают право распоряжаться землями, получают экономические льготы и
большее количество земли на одного хозяина, чем имеют местные жители.

В докладе на II Общенациональном съезде кумыкского народного движения "Тенглик"
его председатель С.Алиев подчеркивал,
что республиканские органы власти передают земли горным
районам без привлечения местных органов власти "не просто для
ведения прикутанного хозяйства, но и в собственность или на постоянное пользование"
(3).
Необходимо отметить,
что
властные органы
ДССР и не отрицают этой ситуации.
В республике хорошо известно,
что усечение земельных угодий приводит к разрушению сложившихся традиций
организации жизни кумыков. При увеличении численности кумыкских поселений часть
их жителей
(преимущественно,
молодежь)
отселялась
и
создавала новые поселки.
По признанию самого Председателя ВС республики именно в
связи
с тем,
что земли вокруг многих кумыкских населенных пунктов находятся в пользовании
хозяйств других районов (горных)
и
они не

дают
согласия
на передачу (а точнее было бы сказать - на возврат) этих земель кумыкскому населению, кумыки "лишены возможности выделять участки нуждающимся семьям, расширять кладбища и т.д."(7, т.II, с.25).
Иными словами, и властные органы, и лидеры политического движения кумыков указывают на то, что *миграция горцев разрушает основу традиционной жизни кумыкского этноса.*

Таким образом, проблема территории или создания собственных легитимных органов власти имеет для народов данного региона отнюдь не символический характер. Это вопрос о самосохранении этноса в условиях, когда сохранились его традиционные структуры, традиционные формы хозяйствования. А высокая степень внутренней консолидированности и достаточно развитый слой гуманитарной интеллигенции - носителя этнического самосознания - позволяют эти объективные потребности этнической жизни выразить в форме политических целей и создания политически организованных групп. Последнее, в свою очередь приводит к активизации внутриэтнических процессов и прежде всего - консолидации. Теперь уже этнические процессы на внутриреспубликанском (как у кумыков или ингушей, чеченцев) или межреспубликанском (как у адыгской группы народов) уровнях начинают оказывать воздействие на политическую организацию общества.

Одной из традиций отечественной этнологии было акцентирование внимания к влиянию политики на межэтническое взаимодействие (известный тезис о формировании новой и исторической общности - советского народа). Сегодня в Северо-Кавказском регионе мы сталкиваемся с обратным явлением - влиянием процесса этнической консолидации на политическую систему общества. Одни исследователи интерпретируют этот процесс как "этническую революцию", которая характеризуется как "процесс вторичного разогревания этногенеза,

изменения
социально-экономической
и культурной моделей,
задающих матрицы воспроизводства этнических сообществ"(4,
с.107).
Другие - как
борьбу
политических элит,
в
процессе которой стороны прибегают к манипулированию общественным сознанием
посредством этномобилизации.

Думается, обе позиции требуют более аргументированного и конкретного анализа, особ
енно по вопросу действия этноэлиты и масс.
Уточним два ее аспекта -
специфику
этомобилизации
и обусловленность
деятельности
лидера
потребностями общности. Современный этнополитологический подход, развиваемый в
работах В.Тишкова, А.Здравомыслова, нацеливает на интерпретацию межэтнических
отношений с позиции активности этноэлит, преследующих

собственные цели. Думается, что связь здесь все-же двусторонняя, о чем
свидетельствует и специфика этномобилизации и
эффективность
деятельности
этнолидеров.
Рассмотрим этот тезис подробнее.

Под мобилизацией в политологических исследованиях принято понимать коллективный
способ включения индивидов в политический процесс. При анализе политической
культуры индустриально развитых обществ с институтами правового государства,
исследователи обычно
подчеркивают цивилизационную "отсталость" политической мобилизации по сравнению
с механизмом индивидуального включения
личности
в
политику.

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

Мобилизация предполагает не только деятельность элиты (лидера) как посредующего звена между политическими институтами и индивидом, но и просветительскую функцию элиты (лидера).

Последняя является

источником возникновения харизматических черт лидера.

Эта пропагандистская роль лидера и выступает основанием для выстраивания концепции

конструирования

мобилизованной этничности,

поскольку последняя строится на "привнесенном сознании".

Здесь можно вспомнить концепцию партии "нового типа" разработанную В.И. Лениным, важнейшей социальной функцией которой являлась

задача

формирования

классового

сознания

рабочего класса и

обоснование его особой социально-интегрирующей функции, привнесение в его мировоззрение коммунистического идеала. Именно

здесь

была поставлена задача политической мобилизации масс на широкой социальной основе (интернациональной, межполовой,

"всевозрастной"

и

пр.) для достижения общих социальных целей. В этом случае привносилось сознание особенности группы, ее исторической миссии; фактом индивидуального сознания становилось выделение общих социальных характеристик индивидов, которые в реальной повседневной жизни могли не осознаваться.

В ситуации с этнической мобилизацией дело обстоит несколько иначе. Здесь этническое самосознание формируется в процессе социализации индивида и определено зримыми характеристиками

индивида и группы - языком, внешними типичными чертами, местом локализации; его не нужно "привносить" (т.е. отсутствует необходимость собственного конструирования общности).

Нет необходимости и в привнесении каких-либо долгосрочных целей и

идеалов общесоциального

характера:

они осознаются индивидами на "бытийственном" уровне,

поскольку этнический
интерес
определен условиями функционирования и жизнеобеспечения общности.
Этномобилизация строится на
обосновании
необходимости
изменения территориальных условий жизни народа.
Данная логика диктуется экстенсивным типом развития этноса.
Характер
технологической культуры
не позволяет кардинально изменить уровень жизнеобеспечения масс населения,
но потребность в этом
возрастает
по мере увеличения темпов его прироста. Аграрное традиционное хозяйствование в
условиях демографического взрыва и дефицита земель с необходимостью
обуславливает нацеленность на территориальную экспансию и захват новых
источников
жизнеобеспечения. Этномобилизация не конструирует группу,
она обеспечивает формирование ее политической субъектности.
Важным средством, которое для этого используются является актуализация
краткосрочной истории.
Механизмом этномобилизации выступает "оживление" исторической памяти.

При этом следует обратить внимание на то, что использование исторических
аргументов чрезвычайно важно именно для этномобилизации. Заметим: классовая
солидарность пролетариев опиралась не на прошлое,
а на будущее. Современное включение индивида в
политику в условиях правового государства происходит при акценте на индивидуальные
потребности
сегодняшнего
дня. Этномобилизация, стержнем которой является национальная (этническая)
идеология, пронизана идеей восстановления исторического
прошлого.
Это явление можно объяснить именно разобщенным, сегментарным характером
аграрного общества,
которое и рождает данный
тип идеологии.
Идентичность данных обществ базируется на коллективных чувствах,
сила которых тем больше, чем большее количество индивидов их испытывает. Таким
образом, этномобилизация строится не на привнесении в сознание новых целей и
идеалов,
а
на
актуализации уже имеющихся ценностей.

Первичным здесь является традиционно сложившееся и транслируемое этническое самосознание.

Примерно та же зависимость прослеживается и во взаимодействии этноса и лидера. Развитие этнократической тенденции вряд ли можно объяснить исходя из личностных характеристик лидеров национальных движений, их способности мобилизовать ту или иную группу для активного участия в политическом движении, поскольку политическая активность этнической группы спадает не при достижении определенным лидером позиций официальной власти, а с реализацией тех или иных интересов группы. Персоналия лидера, равно как и его официальный статус здесь теряет особенное значение. Вместе с тем, событийная сторона политического процесса в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии показывает, что роль этнолидера навязывается первому лицу республики той этногруппой, к которой он принадлежит (здесь показательны фигуры А.Х.Галазова и Р.С.Аушева). Это объясняется, видимо, и стремлением официального руководства выполнять роль неформального лидера для сохранения власти, и сложившейся установкой на уровне массового сознания рассматривать существующую республиканскую государственность как государственность преимущественно численно доминирующего титульного этноса, а официального руководителя - как символ государственности этноса.

Поэтому "первое лицо" республики, официальный лидер, для удержания политической стабильности и собственного властного положения вынужден действовать по логике развития этнократизма,

смягчая и корректируя эту тенденцию.

В противном

случае существует реальная угроза утраты им власти, как это произошло с Д.Г.Завгаевым.

Иными словами,

тенденция этнизации власти в республиках Северного Кавказа элитой не задиктовывается, а выражается. Она отвечает

объективно

сложившейся

потребности поиска новых форм самоорганизации этноса.

Сама же потребность возникает на пересечении объективных процессов - сохранившейся этнической структуры

традиционного

типа

и втягивания этноса ускоренными темпами в индустриальный тип развития, разрушающего традиционные

институты и связи этноса на глазах одного поколения. Государственность и рассматривается как та форма, которая создаст систему патронажа и защиты культуры этноса.

Поэтому можно и фиксировать "угасание" политической субъектности для групп, достигших совпадения интересов своей этнической общности и политической организации:

так на спад пошла активность адыгской группы народов, ингушей, чеченцев, осетин. Теперь их интересы представляют не общественные организации, а официальные органы власти, где ключевые властные позиции заняты представителями данных этносов.

Предпринятый анализ становления политической субъектности этноса подводит к выводу о том, что в этом процессе можно выделить необходимые условия, а также объективные и субъективные факторы.

К необходимым условиям становления этноса в субъект политики можно отнести:

- сохранившуюся традиционную организацию этноса: поселенческие и родовые институты, многопоколенную семью, традиционные формы хозяйствования и др.;

- резкий рост численности этноса при сохранившихся традиционных низко механизированных формах труда и дефиците территорий;

- групповой тип социальной мобильности, сформированный на этнической основе, который воспроизводит институты этнической организации в условиях города и нетрадиционных формах трудовой деятельности;

В качестве объективных факторов, способствующих формированию политической субъектности этноса, можно выделить;

- сложившуюся социально-этническую стратификацию в республиках, при которой фиксируется неравенство этносов по организации жизнеобеспечения и уровню жизни;

- доминирующую (численно и культурно) позицию этноса в собственной республике;

- специфическую социально-профессиональную структуру этноса, где при основной массе сельского крестьянского населения городское население представлено преимущественно гуманитарной интеллигенцией и достаточно широким слоем маргиналов, не занятых в системе промышленного производства.

Субъективную сторону формирования политической субъектности этноса составляют следующие факторы:

- историческая память народа об имевшейся в прошлом собственной государственности;

- наличие в сравнительно недавнем историческом прошлом событий, нанесших психологическую травму народу (депортация, вооруженные действия, которые

сопровождались
значительными жертвами,
административные
переделы
территории этногенеза и пр);

- наличие примера иного (более высокого) социально-политического статуса у
родственного этноса в других государствах ;

- наличие общественно-политических организаций, декларирующих и пропагандирующих
цели этнического развития, участвующих в политической жизни на уровне республик;

- успешность политической активности этноэлит в других регионах страны, что создает
возможность для действий "по прецеденту";

- тесное взаимодействие национальных общественно-политических организаций с
административными органами власти, функцион
еры которой являются представителями
этой
же
этнической группы.

Сопоставление факторов обеих групп показывает огромную роль для провоцирования
политической активности этноса, так
их его объективных характеристик, как аграрность экономики, дефицит природных
ресурсов (особенно земли), высокая плотность негородского населения,
межэтническая конкуренция.
Именно
они выступают
основой
для формирования этнической солидарности и мобилизации, а, в конечном итоге, -
возникновения зоны этнополитической напряженности и конфликтности.

Предпринятый анализ позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что политическая субъектность свойственна

далеко не всем этносам.

Она производна от специфики исторического развития народов, неравномерности его темпов для разных этносов, объективных условий их существования этносов и сложившихся традиций межэтнического взаимодействия.

При

всех

выделенных факторах сделаем все же акцент

на

предпосылочном

условии

становления

политической субъектности этноса:

эта способность развивается,

если этнос сохраняется как природно-социальная целостность.

Постепенное отдаление от природной основы этнической жизни, размывание ее традиционных институционных форм приводит к снятию социальной субъектности этноса более широкой общностью - социально-территориальной системой, страной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология. В 2-х частях. Ставрополь, 1996.
2. *Авксентьев В.А.* Межэтнические конфликты. Социально-философский анализ. Автореферат. Ставроскание степени докт.философ. наук. Ставрополь, 1997.
3. *Алиев А.* О путях реализации суверенитета кумыкского народа// Тенглик. 1992. 3 апр.
4. *Андреев А.* Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства. ОНС. 1996. N 1.
5. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
6. *Арутюнов С.А.* Этногенез, его формы и закономерности// Этнополитический вестник. 1993. N 1.
7. *Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника.* В 3-х тт. М., 1992.
8. *Денисова Г.С.* Этносы в политической жизни России 90-х гг. Ростов-на-Дону, 1996.
9. *Драгунский Д.В.* Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция
Северной
Евразии//
Полис.
1995. N 3.

10. *Геллнер Э.* Нации и национализм: Пер. с англ. Т.В.Бердиковой, М.К.Тюнькиной. М., 1991.

11. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.

12. *Здравомыслов А.Г.* Социальный конфликт. М., 1994.

13. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.

14. *Качанов Ю.Л., Шматко Н.А.* Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии)//Социс. 1996. N 12.

15. *Козлов В.И.* Проблематика "Этничности"//Этнографическое обозрение. 1995. N 4.

16. *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994.

17. *Кучуков М.М.* Национальное самосознание. Вопросы теории и истории. Автореф. на соиск. степени докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1994.

18. *Кучуков М.М.* Национальное самосознание и межнациональные отношения. Нальчик, 1992.

19. *Момджян К.С.* Социум. Общество. История. М., 1994.

20. *Предвечный Г.П.* Политический анализ. Ростов-на-Дону, 1990.

21. *Предвечный Г.П.* Основные условия и факторы, формирующие состояние напряженности на Северном Кавказе//Межнациональные отношения сегодня. Ростов-на-Дону, 1994.

22. *Предвечный Г.П., Рябцев В.Н., Менджерицкий Г.А.* Культурные и цивилизационные аспекты межэтнических конфликтов//Теоретические и прикладные проблемы этнополитологии. Ростов-на-Дону, 1995.

23. *Рябцев В.Н., Сафарян С.М.* "Карабахский узел": этнонациональный конфликт в аспекте региональной геополитики. Ростов-на-Дону, 1996.

24. *Серио П.* Этнос и демос: дискурсивное построение коллективной идентичности// Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.

25. *Сусоколов А.А.* Структурные факторы самоорганизации этноса//Расы и народы. М., 1990.

26. *Сусоколов А.А.* Русский этнос в XX в.: этапы кризиса экстенсивной культуры// Мир России. 1994, N 2.

27. *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект).- Этничность и власть в полиэтничных государствах.

Материалы международной
конференции 1993 г. М., 1994.

28. *Хунагов Р.Д.* Политическая субъектность. Ростов-на-Дону, 1994.

29. *Anderson B.* Imagined. Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.- N.Y. 1992.

30. *Nash.M.* The cauldron of ethnicity in the modern world.- Chicago,L., 1989. P.12.

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

ВЫБОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА.....1

2. СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЭТНОСА.....9

3. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЭТНОСА.....19

Научное издание

Денисова Галина Сергеевна

Социальная субъектность этноса (концептуальный подход)

Научный редактор: Мостовая Ирина Владимировна

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЭТНОСА

Добавил(а) Социология
06.09.10 21:19 -

Подписано в печать 22.01.97. Формат 60*84 1/16

Тираж 200 экз. Усл. печ.л. 2, 5

Издательство РГПУ. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.